

История не может быть не честной

И. И. Сирош*

Так думает и скажет любой исследователь, посвящающий часть своей жизни проникновению в перипетии ушедших в прошлое событий и трактующих их в рамках своего наработанного понимания и приобретенной нравственности. Признаться, не вижу обстоятельств и доводов, способных разрушить или даже поколебать этот устоявшийся стереотип мышления добросовестного историка. И это огромное благо, научное и общественное, обеспечивающее устойчивое развитие истории как науки и формирование в общественном представлении объективного и четкого видения уходящих вглубь веков дорог, на преодоление которых человечеством была потрачена не поддающаяся измерению жизненная энергия.

Сегодня в процессе исторического познания мы стали свидетелями беспрецедентного роста силы, подрывающей основы этого стереотипа, самой науки истории. Эта сила — разрушитель, приносит нездоровый климат в действующую систему международного взаимодействия и в отношения между народами. Если говорить прямо, то этой силой является политизация истории правящими элитами, которую в ряде стран стали использовать как методологию нового прочтения состоявшихся некогда оценок судьбоносных в истории человечества событий. Это касается, прежде всего, Второй мировой войны, история которой подверглась ужасающему искажению и фальсификации.

И в научной сфере, и в общественной жизни многих странах на Западе этот феномен вызрел

до такой степени, что не заметить и не отреагировать на него на государственном уровне стало невозможным. Именно эти соображения легли в основу решения Президента России о создании Комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России.

Время отсчитало 65 лет с момента, когда под ударами Красной армии рухнули надежды агрессивнейшей из идеологий — германского фашизма — на мировое господство на основе расового деления мира. Казалось бы, человечество получило вернейший шанс для устойчивого, успешного развития на основе состоявшегося единения в борьбе против сил зла. Однако воспользоваться этой возможностью до конца не удалось. Фундаментальными оказались противоречия между странами-победителями, слишком глубокими — их разно полюсные интересы по обустройству послевоенного мира. Именно они, в конечном итоге, предопределили развитие международных отношений по пути, как выразился известный отечественный историк, «войны после войны».

По разным сторонам фронта ныне расположились историки ранее воевавших стран и ведут нешуточные бои за понимание и толкование событий Второй мировой войны, ее результатов и «отцовства» Победы. Подгоняемые зачастую политическими интересами, допускаю, что в какой — то степени ими и разделяемыми, но в основном, исходящими от высших государственных лиц, представители исторической науки весьма агрессивно проводят в жизнь поручения

* **Игорь Иванович Сирош** — заместитель Председателя Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России.

сверху. Настолько, что российский президент Медведев был вынужден обратиться на них внимание, назвав такие попытки не только агрессивными, но и все более злобными.

По правде говоря, созданная и обостренная недобросовестными и даже лживыми, с позволения сказать, исследованиями антироссийской направленности и политиканствующей возней вокруг ключевых событий войны и роли России в ее победном завершении атмосфера продолжает накаляться. Факты свидетельствуют о сложившейся сегодня в некоторых странах тенденции государственно-политического регулирования международных и межгосударственных отношений с помощью манипулирования исторической наукой вплоть до политического заказа, до политического руководства выводами исторических исследований. Это ли не сервильная система исторического обеспечения политических потребностей ряда государственных элит? Очевидность этого ни у кого не вызывает сомнений.

Особо активны в пересмотре исторического наследия, государственном руководстве исторической наукой и ее использованием в контексте антироссийской политики страны Балтии. Именно их правительства буквально исповедуют тезис о «нелигитимности послевоенного мироустройства» и формируют претензии к России. Конечно же, под эти претензии подведена соответствующая идеология, над которой потрудились недобросовестные историки и средства массовой информации. В рамках этих претензий Литва выступает за международный суд над «советским геноцидом». Эстония претендует на часть Псковской и Ленинградской областей. Латвия подсчитывает ущерб, якобы нанесенный ей Россией, создав, подчеркну, специальную правительственную комиссию.

На государственные средства этих стран создана и работает система центров документации якобы последствий советского тоталитаризма и геноцида. Открыты двери соответствующих многочисленных музеев памяти, резистенции и оккупации. По такому же пути бездумно идет Грузия и другие известные страны.

Как остановить это движение, как переломить тенденцию вмешательства недобросовестной и политизированной истории в отношения между государствами и народами? Подчеркну, именно между государствами и народами, ибо тема мировой войны является святой для любой российской семьи и уничижительное искажение

роли России в войне остро негативно воспринимается как в нашем обществе, так и на государственном уровне.

Итак, путь один. Не оставлять как и раньше без внимания ни на политическом, ни на научном уровне подмену роли Советского Союза, советского народа в Великой Победе и не позволять путать палачей с жертвами этой всемирной трагедии. Тем более, что совершенные преступления закреплены не только в народной памяти, но и в решениях Нюрнбергского суда. Они не подлежат сроку давности и ответственность за них должна наступать бессрочно.

Объективная правда о войне — одна из главных задач президентской Комиссии, учитывая перманентно нездоровый интерес к ее недобросовестной интерпретации рядом правящих элит, о чем было уже сказано. В этом году общими с ведущими научными и исследовательскими институтами России усилиями нам удалось подготовить и выпустить в свет более тридцати монографий и публицистических изданий по теме Второй мировой войны и роли Советского Союза в ее победном завершении. Особо хотелось бы выделить шеститомное издание МГИМО (У) «К 65-летию Победы», которое получило высокую общественную и профессиональную оценку и которое мы намерены продолжить. Книжная акция оказалась настолько мощной и неожиданной для наших оппонентов, что они определенно растерялись, а их голоса как-то поутихли. Во всяком случае, такую оценку дают наши дипломаты в тех странах, где историческая наука особо сервильна. Отмечают это и другие специалисты, и члены президентской Комиссии.

Но «борьба историков за войну» продолжается. Полагаю, уместно вернуться к истокам этой борьбы. Посмотреть, с чего все начиналось.

Тогда, в далеком сорок пятом году, когда гитлеровские «асы» еще продолжали тяжело дышать от бега после стремительного наступления Красной армии, их стали отлавливать и выстраивать в новые колонны для новых сражений уже на бранном поле истории, но под американским флагом. По решению военного руководства США все захваченные союзными войсками в плен высшие офицеры и генералы вермахта были собраны на территории Западной Германии («историческую» операцию возглавил американский генерал Маршалл). И предписали им, морально раздавленным советской военной победой и до конца еще не

осознавшим — как все это могло произойти, писать свое видение истории Второй мировой войны.

В течение трех лет в благоустроенных камерах, мало похожих на тюремные, новоиспеченные историки, среди которых были три бывших начальника генерального штаба сухопутных сил вермахта — Гальдер, Цейтцлер и Гудериан, заместитель начальника генштаба Блюментритт, генералы Хойзингер, Крейпе, Вестфаль, Циммерман и другие, скрупулезно писали историю, пользуясь благами свободных исследователей, в распоряжение которых были предоставлены разнообразные военные документы нацистской Германии.

Не трудно представить, что подготовленная при таких обстоятельствах «история» однозначно отвечала двум потребностям: желанию генералов угодить своим новым хозяевам, выполняя заказ в духе «холодной войны», и, конечно же, оправдать свою полководческую несостоятельность, объяснить свое военное поражение, не утруждая себя объективностью и беспристрастностью.

По-человечески можно понять генеральский порыв после драки помахать кулаками, сводя счеты с «недостойными» победителями на печатных страницах. В истории тому немало примеров, когда реваншистские настроения уже после события брали верх над объективностью. У академика М. В. Алпатова мне встретилось любопытное суждение о том, что идеология «норманизма» стала реваншистским ответом Европы на русскую военную победу над шведами под Полтавой. (Тоже ведь тема для Комиссии по противодействию фальсификации истории. Не правда? — *И. С.*) Но вернемся к плененным генералам.

Из под их перьев, перьев «плохих танцоров», в научный оборот на Западе вошли мифы о роковых случайностях и всевозможных субъективных факторах, предопределивших в конечном итоге крах военной машины третьего рейха. Но задумаясь, с какой необыкновенной легкостью, будто и не существует научной экспертизы и анализа достоверности представленного материала, эти мифы «оккупировали» печатные страницы научных монографий, перекочевав туда из генеральских воспоминаний. Будто их с нетерпением уже ожидала западная историческая наука, имея на руках ордер назначить эти мифы главными в изучении и оценках событий тех лет.

«Теория случайностей», «генерал Мороз», «генерал Жестокость», «роковые нелепости», «забросали немецкие окопы трупами своих солдат», «бездарные советские генералы», «не жалели мирное население» и т. д. и т. п. — вот лишь некоторые, из появившихся в западной литературе мифов. Почувствовали зловонный запах лжи от рукописей побитых на бранном поле «историков»? А ведь все они сами несколько ранее получили весьма низкую оценку за выполнение прямых обязанностей от своего непосредственного военного руководства.

В мемуарах министра пропаганды Геббельса, которые тот второпях надиктовывал под ударами советской артиллерии незадолго до падения Берлина, есть место, где он вспоминает беседу с Гитлером о неудачах на Восточном фронте. Среди причин Гитлер выделил искусство русских полководцев, их военный и стратегический талант, народную закваску, которые намного превосходили профессиональные и моральные качества его генералов. Конечно, надо делать скидку на то, что фюрер искал оправдания своим поражениям в ошибках и просчетах других. Это видно любому простому человеку. Но как и почему настоящие историки не обратили внимание на то же самое, но в исполнении генералов вермахта?

Что касается потерь, то в мартирологе Великой Отечественной войны — миллионы советских людей. В большинстве своем — это гражданские жертвы (о них — чуть позже. — *И. С.*). Военнослужащих среди жертв — девять миллионов. Или столько же, сколько потеряли убитыми гитлеровцы и их союзники. Равные потери свидетельствуют о том, что мы сражались на равных. А вот гражданское население гибло под фашистскими бомбежками наших мирных объектов, люди умирали от голода, от чудовищных зверств гитлеровцев. И об этом мировая общественность была информирована.

К примеру, уже 6 января 1942 года всем послам и посланникам, с которыми Советский Союз поддерживал дипломатические отношения, была разослана Нота Наркома В. М. Молотова о грабежах, разорении и зверствах гитлеровцев на захваченных территориях. Но западным историкам проще было относить потери наших мирных жителей за счет жестокости наших же военных. Хотя таковых фактов, которые действительно бы в этом убеждали, для категоричных выводов не набирается.

С другой стороны, в научном обороте давно находится другой эпизод о жестокости. В начале ноября 1940 года, когда гитлеровские бомбардировщики безнаказанно утюжили Англию, премьеру Черчиллю доложили расшифрованные немецкие телеграммы о предстоящей масштабной бомбежке Ковентри. Предупредить население, но тогда немцам станет ясно, что их шифры раскодированы, что англичанами тщательно скрывалось. Решено было — молчать и люфтваффе стерли город вместе с мирными жителями с лица земли (кстати, секретом дешифровки, который мог бы помочь их союзнику — Советскому Союзу сохранить многие жизни своим гражданам и солдатам, англичане так и не поделились). Английская общественность и историки не стали пенять государственному руководству за эту жестокость. В их представлении победителей за такую «малость» судить не пристало.

Здесь, думается, уместно сделать ремарку о том, что Сталин был против публикации мемуаров нашими военачальниками. Быть может, предполагал, что они вызовут сумятицу в устоявшихся у нас представлениях об «отце Победы», может, увидел в этом возможное покушение на величие своей роли Верховного главнокомандующего. Так или иначе, но издание военных мемуаров в Советском Союзе опоздало лет так на 15–20, позволив предостаточно насытить зарубежную науку и общественное сознание мифами об этой войне. Конечно, это была политическая ошибка, в результате которой советской науке пришлось долго, уже после мемуарной подпитки развенчивать эти мифы и оправдываться. Стратегический просчет политика в какой-то мере обрек нашу историческую науку на потерю инициативы и защиту (наглядный пример, чтобы еще раз задуматься о нынешнем вмешательстве в историю политических лидеров ряда стран. — *И. С.*).

Практически все перечисленные мифы, рожденные после военного противостояния конфронтацией «холодной войны», были, хотя и с опозданием, развенчаны советской и потом российской исторической наукой. Но все равно идут дискуссии и Россия на государственном уровне столкнулась с новыми вызовами в трактовке и оценках результатов Второй мировой войны. Почему это происходит? Наверное, потому, что правда об этих событиях была глубоко запрятана в архивах и только сравнительно недавно стала выноситься на суд

общественности масштабным рассекречиванием соответствующих архивов. Около десяти миллионов таких документов было опубликовано в России в последнее время. Полагаю, что такая открытость не останется незамеченной нашими оппонентами на Западе и не превратится в дальнейшем в улицу с односторонним движением. «Правда в конечном итоге должна быть предъявлена нашим людям и иностранным гражданам, которые в этом заинтересованы», — недавно отметил российский президент по этому поводу.

Путь исторической правды — сложный и драматичный, но этот путь ведет к установлению климата международного доверия и взаимопонимания. Добрым примером служит наметившиеся изменения в наших отношениях с Польшей, которые прошли суровое испытание правдой, и сегодня выстраиваются с родившимся пониманием и большим доверием друг к другу. Ложь, которая нагромождалась вокруг событий под Катынью, была разом развенчана открытым размещением архивных документов тех лет в Интернете. Абсолютно необходимое решение.

Так же по новому стали просматриваться исторические оценки наших многовековых связей с Украиной, которая, освободившись от антироссийского влияния на историческую науку ушедшей в политическое небытие элиты, больше не формулирует выводы исторических исследований с высоты государственного руководства.

Историческая наука выходит на уровень, который не может допускать окрика или команды сверху. Система истинных демократических ценностей сегодня определяет ее дальнейшее развитие. Как и любая другая наука история — самодостаточна и саморегулируема. И, объективно, сама должна освобождаться от плевел политизации и оплаченной недобросовестности. В дискуссиях, в обсуждениях, в борениях, жестких и бескомпромиссных, но обязательно свободных от политического давления и честных. Наверное, к месту здесь слова одного киногероя, которые мне кажутся весьма символическими для исторической науки: «Я хочу говорить правду, я не знаю, где она, но я ее ищу».

В этой связи отмечу книгу П. Бейнарта «Синдром Икаруса», которая издана под эгидой нью-йоркского Совета по международным отношениям и содержит весьма критический разбор внешнеполитической философии США,

определявшей роль Америки в мировой истории прошлого века, в ее триумфах и трагедиях.

Позиция автора, его откровенность не может оставить равнодушным. Считаю это высоким стандартом интеллектуальной честности. Это подтверждает, что при нынешней администрации перемены в Америке могут стать реальностью и, тем самым, будут укрепляться основы для общего прагматического знаменателя во внешней политике между Россией, США и Европой, для выработки культуры коллективного лидерства в мировых делах вместе с другими ведущими державами.

«Сегодня весь мир находится на переломном этапе своей эволюции.

Либеральный капитализм прошел по кругу за последние 300 лет и уперся в те же ограничители, прежде всего нравственно-мотивационного порядка, которые были составной частью его „родовых мук“. Это во многом уравнивает всех перед лицом общего модернизационного вызова. Новые реалии диктуют объединительную повестку дня в международных отношениях, поскольку противодействовать общим вызовам можно только коллективными усилиями, в духе солидарной ответственности».

Из выступления министра иностранных дел России С. В. Лаврова в МГИМО (У) МИД России 1 сентября 2010 года.